

— Учитель Сон, у вас четвёртый урок?

— Э-э... да, у второго года, четвёртого класса.

— Заканчивайте и сразу к нам. Сегодня на обед самгетхан*, нужно идти пораньше.

Сонбэ ритмично постукивал ладонью по столу. Глядя на его воодушевление, я невольно улыбнулся. Когда я выходил из учительской, он ещё несколько раз крикнул мне вдогонку, чтобы я точно поторопился.

«Ты должен вернуться быстрее, Джэ Юн». Я мысленно повторил его настойчивый голос и усмехнулся про себя. Дело было не только в хорошем настроении сонбэ. Конечно, это меня тоже радовало, но больше всего мне нравилось, как его настойчивые просьбы заставляли меня чувствовать себя нужным.

Проблема была лишь в том, что эти слова так меня окрылили, что я шёл быстрее обычного.

— А...

— Учитель, здравствуйте!

— ...

Направляясь на свой четвёртый урок в восточный корпус, я столкнулся с У Тхэ Соном, который в спортивной форме шёл на игровую площадку. Мы встретились в коридоре первого этажа.

Я не то чтобы надеялся никогда не пересекаться с ним в школе. Но, когда это произошло на самом деле, я понял, что вся моя мысленная подготовка была напрасной. Мы оба застыли на месте, и это было донельзя очевидно.

В коридоре мы были не одни. Вокруг были чужие глаза — и рядом с ним, и рядом со мной. А значит, У Тхэ Сон не мог вести себя так же свободно, как там. Я убеждал себя, что всё в порядке, ведь мы в школе, что ничего не случится. Я цеплялся за негласное правило — он никогда раньше не заговаривал со мной в школе.

И всё же мне было страшно. Хотя нынешняя ситуация и защищала меня, эти люди наблюдали за У Тхэ Соном не ради меня. Они были лишь статистами, поддерживающими статус-кво. Глаза, которые сейчас мешали У Тхэ Сону действовать, с той же лёгкостью могли направить стрелы осуждения в мою сторону.

К счастью, и в этот раз У Тхэ Сон просто прошёл мимо. Не удостоив меня даже мимолётным взглядом. Я не почувствовал того ледяного взгляда, который обычно впивался в мою кожу, стоило ему посмотреть на меня.

Значит, его взгляд настигал меня лишь в стенах квартиры 1201. Я убедился в этом

окончательно, пережив несколько подобных ситуаций.

Тот факт, что наш секрет был заперт в квартире 1201, приносил успокоение. Я решил, что наше соглашение соблюдается неукоснительно.

Проще говоря, я потерял бдительность.

— Ах, и как мне с этим разобраться?

Все обязанности, которые раньше лежали на предыдущем учителе, теперь, естественно, перешли ко мне. Одной из них был радиоузел. А вместе с ним — и множество мелких задач, связанных с его работой.

Но на этот раз задача была слишком серьёзной для «мелочи». Речь шла о проводах директора на пенсию, до которых оставалось меньше четырёх дней.

— ...Я и правда не знаю.

В конце концов я просто сел на пол. Я решил, что лучше всего будет распутать эти чудовищно переплетённые кабели и разложить их один за другим. В надежде, что это приведёт хоть к какому-то решению, я принялся за работу.

В этот момент я резко вскинул голову от звука открывающейся за спиной двери. Из-за их старины, петли громко скрипели при каждом движении. Поэтому я всегда безошибочно знал, когда кто-то входит или выходит, даже не глядя.

Неужели уже перемена? Я вспомнил, как только что отправил сигнал бедствия президенту клуба радиовещания, зайти после контрольной.

— Ён Джин, я тут как ни пытаюсь, не могу подключить... — пробормотал я, оборачиваясь.

Но в поле моего зрения попал не миниатюрный Ён Джин.

Там, настолько высокий, что полностью загораживал собой дверной проём, стоял он.

Дверь за спиной У Тхэ Сона медленно закрылась. Тот же самый скрип, который всего мгновение назад меня обрадовал, теперь прозвучал зловеще.

Эта сцена была знакомой. Она до боли напоминала тот день, когда он стоял, заперев меня в

медпункте.

Это был не тот, кого я ждал.

Уверенные шаги, без лишнего шума, становились всё ближе. И по мере приближения У Тхэ Сона какой-то пульсирующий звук, казалось, нарастал. Лишь когда его ноги замерли прямо передо мной, я понял, что этот звук — бешеное биение моего собственного сердца, охваченного тревогой.

— ...Что ты здесь делаешь?

Изо всех сил стараясь казаться спокойным, я поднялся с пола. У меня даже не было времени подумать, нормально ли прозвучал мой голос.

— Я слышал, учитель в радиоузле.

Я наугад схватил что-то из разбросанных вокруг вещей. Затем, притворяясь, что навожу порядок, я начал понемногу смещаться к выходу.

Радиоузел — замкнутое пространство без единого окна, особенно неподходящее для того, чтобы оставаться наедине с У Тхэ Соном. Так что моим главным приоритетом было покинуть его.

Осторожно, чтобы не выдать себя. Да, у меня получалось. И вот, моя рука уже потянулась к дверной ручке.

— Я запер дверь.

«Не волнуйтесь, учитель». Всего три слова — и У Тхэ Сон с лёгкостью извратил моё намерение покинуть это место. Я мгновенно вернулся в роль той самой обеспокоенной пешки, которую У Тхэ Сон для меня определил.

Как и всегда, в его самоуверенности не было и тени сомнения. Словно наши сердца бились в унисон. Словно я и сам ждал, что останусь с ним наедине. Лишь осознав это, я почувствовал, как рука, лежавшая на дверной ручке, обессилела. У меня не было ни единого шанса что-либо исправить.

Убедившись в правоте слов У Тхэ Сона — дверь и вправду была заперта, — я развернулся. Мне ничего не оставалось, кроме как вернуться.

— Садитесь туда, учитель.

Там, куда указывал У Тхэ Сон, стоял стул, словно специально приготовленный для проводов директора. В монотонном интерьере радиоузла, отделанного тёмными звукоизоляционными панелями, он резко выделялся своим роскошным видом.

Если я не смог даже сбежать из этого пространства, то уж точно не смогу отказаться сесть на стул.

— Ноги заболят, если будете долго стоять.

В его голосе до смешного звучала забота, а во взгляде плескалось беспокойство. Но я чувствовал, что за этими словами скрывается его намерение продержать меня здесь очень долго. Это было совсем не смешно.

Я расстегнул ремень и молнию на брюках. Я был готов снять всю нижнюю одежду, но резко замер на полпути. Хоть ситуация и не отличалась от той, что была в его доме, здесь я этого делать не хотел. Это была школа, к тому же радиоузел. Пусть это и жалкая гордость, но мне было противно.

Ни одетый, ни раздетый, в нелепом, промежуточном состоянии, я сел на стул. Ощущение голой кожи на коже кресла и сегодня было неприятным. А ещё более неприятным его делало то, что это была не дешёвая обивка. Она слишком легко напомнила о том чёрном кожаном диване.

Я сполз на край, ссутулившись. Теперь мой взгляд был на ладонь ниже, чем когда я сидел прямо. Я увидел, как У Тхэ Сон уселся на складной стул, стоявший в углу.

Теперь я уже безошибочно узнавал этот сигнал к началу.

— ...Ннгх.

Я слегка раздвинул ноги и силой просунул правую руку между ними. Начав с грубых ногтей, я медленно вводил пальцы, пока все три сустава не скрылись внутри.

Чужеродное ощущение, к которому невозможно привыкнуть, постепенно растекалось от поверхности вглубь.

Всегда было трудно войти в плотно сжатое место. Я изо всех сил старался расслабить тело, но получалось не так хорошо, как хотелось бы.

Что делало это особенно трудным сегодня, так это спешка, подгонявшая меня. Я то и дело неосознанно поглядывал на часы и на дверь. Дверь была заперта, но в радиоузел мог войти кто угодно и когда угодно. А главное — на перемене сюда скоро кто-нибудь точно придёт.

Поэтому нужно закончить до этого... Нужно быстро кончить.

— Хи-их, ха-а...

Скорость, с которой я проталкивал пальцы в сжатое пространство, сила, с которой я ворошил себя изнутри — всё начало стремительно нарастать.

В замкнутом пространстве, куда никому не было входа, раздавались лишь глухие, ритмичные звуки ударов моей руки о пах.

Намеренно игнорируя его неотступный взгляд, я постепенно наращивал темп. Промежутки между шлепками становились всё короче.

— Можно я тоже попробую?

От этих слов всё замерло. Мои пальцы, до этого двигавшиеся с бешеной скоростью, моё тело, напряжённо терпевшее всё это, моё сердце, колотившееся в груди — всё остановилось в одно мгновение.

Резко остановить то, что движется быстро, — сложно, но для У Тхэ Сона даже это, казалось, было пустяком.

Я не мог понять, почему он вдруг решил это сделать. Единственное действие, которое У Тхэ Сон мог иметь в виду под «тоже попробую», было то, чем занимался я. Но...

«Как он собирается туда засунуть?»

Я вспомнил лицо У Тхэ Сона в тот день, на котором было написано отвращение, смешанное с лёгкой усмешкой. Ужасающее чувство собственного ничтожества, до этого прятавшееся в глубине памяти, снова вырвалось наружу и окутало меня.

...И что же теперь вызвало его любопытство? В конце концов, если бы он хотел это сделать, он бы давно это сделал. До сих пор У Тхэ Сон не проявлял ни малейшего интереса. Он просто наблюдал.

— Развернитесь.

Какое значение имели мои мысли? Что бы мне дало понимание его намерений? С этими мыслями я кивнул и, неловко поднявшись, развернулся.

— Встаньте. На стул.

— Хорошо...

— Думаю, будет лучше, если вы снимете штаны. Мне плохо видно.

Примечание переводчика:

*самгетхан — корейский куриный суп с женьшенем

Переводчик и редактор — Rudiment.

<http://bllate.org/book/14794/1318952>